

Охотничьи рассказы

Начинается осень.

Сезон грязи, выборов и охотничьих рассказов.

Нет ничего легче, как попасть в такое время в «крамольники» или написать охотничий рассказ...

Первое делается при посторонней помощи, а второе даже без этого.

Люди, «набившие» в этом деле руку, разжигают камин, дают каждому присутствующему в рассказе по стакану «пунша» (только непременно горячего), ставят точку и с абзаца начинают:

– Было это в...

Людям начинающим и не имеющим понятия о пунше можно рекомендовать поить рассказчика и слушателей коньяком...

Разлейте коньяк, разожгите камин и поставьте для настроения многоточие.

Затем возьмите двух-трёх болванов, удобно (непременно удобно!) усадите их в кресла у камина и четвёртого заставьте говорить...

Лучше всего в рассказчики брать отставного гусара, старого околоточного, пристава, вообще человека с военной выправкой.

(«Потешные», нижние чины и лица духовного звания для этого дела всё же не годятся и могут быть допущены только в качестве слушателей.)

Главный принцип охотничьих рассказов – это сделать начало приблизительно-но похожим на истину.

Хотя бы так:

– Вот вы говорите, господа, – не верь приметам...

Иван Антоныч – пристав, «смуглого типа лица», с чёрными, как смоль (можно – как ночь), усами, выпил глоток (давайте то, что есть под руками) и продолжал:

– Я человек не религиозный (это в охотничьих рассказах допускается), а тем более не суеверный, но...

(Давайте рассказчику затянуться сигарой или трубкой, обвести слушателей взглядом и тогда приступить к сути.)

– Со мной был такой случай...

(Когда вы доведёте дело до «случая», здесь уже нечего гнаться за истиной, а необходимо только следить, чтобы рассказчик не смутился, и изредка поить его коньяком или пуншем.)

– Выходим мы это из дому со старшим городовым Мордобейко на охоту по первопутку. Ружьё за плечом, патроны в патронташе, идём... Только это мы подходим к спискам¹, вдруг навстречу священник. Мордобейко побледнел, руки-ноги трясутся...

– Вернётесь, – говорит, – ваше благородие!

А я ему и говорю:

– «Глупости», «бабьи приметы»!

Идём дальше. Ещё двух встретили. Захарчук ни жив ни мёртв, умоляет, в ногах валяется...

– Вернётесь, – говорит, – ваше высокородие!..

Я непоколебим.

И, представьте себе, что бы вы думали... а?

(Давайте рассказчику глоток коньяку, пусть передохнёт.)

– Прошлись это мы с ним по спискам раз – ничего, другой – ничего, и вдруг из начала алфавита выскакивает заяц, но вижу, что не православный. Я не растерялся и немедленно...

(Дайте затянуться сигарой, а чтоб заполнить паузу, кто-нибудь из слушателей может сказать какую-нибудь глупость.)

Хотя бы:

«Достали, конечно, пищик и давай его приманивать этак: тиу-тиу-тиу...»

– Нет! Это рябчик и кадет, действительно, на пищик летят, а еврея без гончих не возьмёшь! Я, знаете, бац – «пуделяю»², ещё раз бац – «пуделяю», вижу, – дело плохо, спускаю гончих, летят во весь карьер... Мордобейко впереди, собаки за

¹ Списки избирательные. Рассказчик смешивает охотничий сюжет с выборами в IV Государственную Думу.

² Пуделять – промахиваться.

ним, я несколько поотстал... Подхожу, знаете, к зайцу первым, а он, прохвость, прикрылся гильдией³ и не шелохнётся... Но увидел меня – и на моих же глазах этот самый Абрамчук умирает в страшных конвульсиях от разрыва сердца... Я не смущаюсь – иду дальше... Вдруг на опушке – медведь... Здоровенный эдакий, страшный, как все кандидаты... Спрашиваю Захарчука:

– Видишь?

– Вижу, – говорит, – ваше высокородие, ясно намечается...

Прикладываюсь, стреляю... раз... два... три... и, представьте себе, восемнадцать раз... Ничего. Остаётся один патрон, набираюсь храбрости, подхожу ближе, и вдруг оказывается...

(Для живости рассказа все в один голос могут высказать своё предположение.)

– Пень!?

– Нет – знакомый дьякон...

С Захарчуком дурно, язык отнялся и бормочет:

– Вернётесь!..

А я всё иду вперёд и вперёд... Подхожу уже почти к квартире и вижу: из самой православной буквы «і десятиричное» вылезит какой-то Иорданский⁴, глазища горят, передними лапами машет, приглядываюсь и вижу: из породы мистиков, самый настоящий анархист. А я уж их привычки знаю: если мёртвым не притворишься, первым делом подомнёт под себя и оскальпирует. Ложусь и не дышу. Не дышу час... не дышу два... В конце концов надоело, открываю глаза и вижу... Вся оппозиция на задних лапах, глазища горят, шары выпучили и режут... Ну, тут, должен сознаться, в своём участке, а растерялся... И, верите или нет, в одну минуту поседел.

(Теперь дайте рассказчику погладить чёрные, как смоль, усы, выпойте ему оставшийся коньяк, тушите камин, ставьте точку – и рассказ можно считать оконченным.)

Если редактор боится штрафа, в рассказчики можно взять отставного гусара, посадить его на то же место и заставить говорить.

(Но помните, что у гусара на первом плане должны быть «амуры», поить его надо исключительно горячим пуншем. Коньяк считается «моветон».)

– Было это в 188... году. Покойная моя маман была ещё девицей...

(От первого стакана пунша уже не должно остаться ничего. Наливайте второй.)

– Собрались мы с отцом на охоту... Приезжаю на вокзал. Третий звонок. Даю полтину жене, целую носильщика, благословляю дога, сдаю детей в собачье отделение и – еду. Останавливаюсь ночевать у знакомой дамы...

(Наливайте третий стакан.)

– Муж уехал на охоту тоже на медведя. Я её без лишних фраз...

³ Гильдия – здесь: торговая организация.

⁴ «И» (восьмиричное) и «і» (десятиричное) называются по числовому порядку в алфавите. Иорданский Николай Михайлович (1870–1933) – юрист, публицист, член конституционно-демократической партии, ославленный как «социал-патриот».

(Торопитесь внести в комнату транспорт пунша и скорее лейте в рот.)

– Одним словом, уговорил ехать со мной на медведя. Подъезжаем утром к берлоге, садимся. Обнимаю её за талию и жду...

(Больше не давайте пунша, а заставляйте почаще затягиваться «настоящей гаванской сигарой».)

– Вдруг, знаете, из берлоги выходит её муж. Мерзавец пошёл охотиться на того же медведя и провалился в берлогу.

(Заставьте кого-нибудь спросить: «Ну?»)

– Во-первых, уже, значит, выгнал медведя из берлоги, а во-вторых, прёт, знаете, прямо на меня. Подмял под себя и начал передними лапами физиономию «интервьюировать»... С дамой, конечно, дурно. Он подошёл, понюхал её и не тронул. Снова вернулся ко мне. Я лежу и жду. Берёт, прохвост, меня за одну ногу, за другую и молча, ни говоря ни слова...

(Делайте слушателям испуганные лица и заставьте их в один голос спрашивать: «Что?!»)

– Разрывает пополам!..

У опытных авторов рассказчики рвут себя даже на части.

Но для начинающих это не рекомендуется.

Дальше, по обыкновению, тушится камин и ставится точка.

Сибирская жизнь. 14 сентября 1912

В состоянии ли?

I

Кроме общества легального и нелегального бывает ещё «женское» и «дамское».

Разница между женским и дамским обществом неизмеримо велика.

Лично я чувствую себя в «дамском обществе», как муха в сметане или как изюм в прянике.

На днях совершенно случайно попал я в дамское общество.

Начался «оживлённый разговор».

Говорили «от Пуанкарэ до матинэ»⁵ включительно и перешли почему-то на литературу.

Окружили меня:

– Вы мило пишете...

– Вы смешно пишете...

– Вы много пишете...

– Вы талант...

Я из деликатности не спорил.

– Но скажите, почему вы вечно смеётесь?

⁵ Пуанкарэ Жюль Анри (1854–1912) – математик, физик, астроном, философ, – или: Пуанкарэ Раймон (1860–1934) – в 1912–1913 премьер-министр и в 1913–1920 президент Франции. Матинэ – женская утренняя лёгкая кофта.

– Почему вы не взглянете на жизнь серьёзно?..
– У вас такие милые глаза и нет ни одного крупного произведения...
– Напишите... Напишите какую-нибудь повесть... трилогию или... Мопассана... Ну что вам стоит...
– Нет, Ирин, лучше роман... В романе больше глубины, чем в какой-то трилогии...
– Софи, ты прямо как девочка: разве ты не знаешь, что все знаменитые романисты были брюнеты, а он блондин... Блондины пишут драмы...
– Ну, хорошо, почему вы тогда хотя драмы не напишете?
– Напишите... Напишите...
Я упорно молчал.
Они думают, что драма это вроде современной диссертации: тяп-ляп и готово...

Но что не может сделать дама?..

Окончательно потеряв голову, я дал слово написать «что-нибудь крупное».

Когда я одевался в передней, дамы окружили меня, и, прощаясь со мной, волоокая Ирин, задержав мою руку в своей, ещё раз сказала:

– Вы хотя и блондин, но такой милый... Я уверена, что ваша драма будет нечто огромное...

– Вы должны открыть новые истины...

– Вы, как Навин, скажете: «Солнце, стой!»⁶ И мы остановимся, поражённые величием вашей драмы...

Когда я спуускался с лестницы, я вспомнил Шекспира:

– О! женщины, женщины! – сказал Шекспир⁷...

И он был прав.

II

Я решил не смеяться и писать свою драму.

Спешно требовались герои, героини и сюжет...

Мне нужен был оригинал, с которого я мог бы списать моего героя, чтобы меня не могли упрекнуть в «излишней фантазировке».

Будь это лет шесть тому назад, можно бы было взять члена Государственной Думы⁸...

Будь моя драма сатирическая, можно бы было «списать героя» с какого-нибудь профессора по назначению, педагога или вообще перенести действие на почву народного образования.

Положение получалось критическое.

Хотел одно время вывести героем редактора прогрессивной газеты (неврас-

⁶ Иисус Навин – вождь, по библейскому преданию, для битвы остановивший солнце.

⁷ «Гамлет»: «Frailty, thy name is woman!» – «Слабость, твоё имя – женщина!» – по-русски переводимое как «О женщины...» и т.д., всегда неправильно.

⁸ В 1907 II Государственная Дума просуществовала три с половиной месяца. В 1907–1912 работала III-я.

теника), который влюбляется в барышню (инженю⁹), женится на ней и, когда узнаёт от знакомого (комик), что она дочь бюрократа (салонный резонёр на роли злодеев), умирает в припадке буйного умопомешательства.

Сюжет драмы был разработан, но с большинством прогрессивных редакторов дают свидания только раз в неделю на один час¹⁰.

Пришлось отказаться от этой мысли.

С видными общественными деятелями вышло не лучше.

Почти все они «разбросаны по свету».

Ну, согласитесь сами, не могу же я, в самом деле, «списав» наружность одного деятеля в Обдорске, ехать к другому в Туруханск...

Решил одно время совершенно уничтожить «героя».

Драма без героя.

Это теперь модно. Одни массовые сцены.

Но тут совсем чуть-чуть с ума не сошёл.

Выберешь какой-нибудь факт в жизни, подойдёшь к нему с серьёзным видом, – как ближе взглянешь, нет никакой возможности удержаться: душит... Душит проклятый смех!..

III

Драма не писалась.

Однажды ко мне пришла Зизи.

– С темой! – Она пила кофе, а я слушал. – «Он» познакомился с «ней», а неё есть муж. Мужа можете просто резонёром сделать, а «он» – это и есть герой. «Он» высок, строен, словом, – тип положительный, а она свинья. Вешается ему на шею, говорит: люблю! люблю! В эпилоге изобразите, как молодая, красивая, изящная, румяная женщина умирает от чахотки и от любви к «нему», которую она скрывала.

– Неудобно, знаете, заставлять румяную от чахотки умирать.

– Ну, тогда... тогда от мигрени...

– Вообще, знаете, умирать румяным не принято.

– Да что вы!? Как же тогда вы меня перед публикой изобразите? Хорошо... я согласна... Пусть девушка в эпилоге умрёт «с томной бледностью». Это мне тоже к лицу... – Прощаясь, она умоляла: – Ради Бога, сделайте только так, чтобы Ирин нельзя было сразу узнать... Ну, сделайте её постарше, что ли... И чтобы муж на Виктора Ивановича не походил...

Вечером пришла Ирин.

– Извините, а я к вам с темой... – Когда я потушил люстру, она ближе придвинула качалку к камину и начала: – Я не люблю света: с улицы всё видно... Так вот вам тема: «она» женщина с прекрасной душой! Она ищет неги, любви и покоя. Муж не замечает, как она встречается с «ним». «Он» высок, строен, и они любят друг друга. Недели две тому назад она знакомит его с своей подругой, а та замужняя женщина и вдруг сразу ему глазки строит. В бедной женщине кипит

⁹ Ампула наивной девушки.

¹⁰ При отмене предварительной цензуры редактор за публикацию антиправительственных материалов мог подвергнуться штрафу или тюремному заключению.

ревность, а тот мерзавец растаял от её кокетства. Вы понимаете, какая драма. Вы писатель, вы, конечно, поймёте. Целая гамма переживаний, нарастание действия и, наконец, финал: любовь торжествует.

– Каким образом?

– В последнем акте я написала всё Зинкиному мужу, и он её вчера отправил к тётке в Камышлов, а Аполлон Викторович уже звонил ко мне по телефону, и мы помирились. – Уходя, она умоляла: – Ради Бога, чтобы только Зизи себя не узнала. Измените как-нибудь, сделайте постарше, можно даже совсем некрасивой.

– Некрасивой нельзя. Как же ею тогда герой увлечётся?

– Но поймите, что ведь мы с ней подруги!

IV

Надо ли говорить, что драмы я не написал и сюжетами не воспользовался. На днях ко мне «забежали на огонёк» Ирин и Зизи вместе.

– Ну, как ваша драма, а?

Я хотел сознаться им чистосердечно, что я и не думал её писать, но почему-то сказал:

– Пишу!

– Покажите! Вот это, наверное, шедевр.

Ирин украдкой, но так, чтобы видел я, со злой усмешкой кивнула на Зизи, а, когда отвернулась, Зизи сделала то же.

– Если нельзя показать, то скажите название. Как? По имени героини?.. Да?

– Да.

– А как? – оживились обе.

– Г-жа Пошлость¹¹.

Обе забросали меня взглядами благодарности.

– Великолепно... Я всегда верила в вас и ещё вчера говорила Зизи: «Ты знаешь, у него удивительно красивые волосы»... Ей-Богу...

Прощаясь, каждая из них долго «трясла талантливую руку».

Оставшись один, я думал: такой «дамы» достаточно для десятка драм.

А две таких дамы, два-три профессора по назначению, один-два «циркуляра» и кн. Мещерский¹² в состоянии сделать на земле ад.

– В состоянии ли? – спрашивал внутренний голос.

Я встал, оделся и вышел на улицу.

Дня чрез три меня нашли за городом с признаками буйного умопомешательства.

На все вопросы я клялся и уверял:

– В состоянии! В состоянии!...

Это не была ложь.

Сибирская жизнь. 29 января 1913

¹¹ «Госпожа Пошлость» (1909) – пьеса Н.Н. Ходотова.

¹² Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), князь, – писатель, издатель консервативной газеты «Гражданин».

В.Д. Кононов¹³

Памяти М.М. Голодникова

По полученным редакцией «С.Ж.» сведениям, 2 ноября в Давосе скончался Михаил Михайлович Голодников.

Имя М.М. Голодникова хорошо знакомо не только читателям «Сиб. жизни», но едва ли не большинству томичей.

В его лице редакция лишилась одного из талантливейших сотрудников.

Будучи хорошо знаком, точнее говоря, – состоя в тесной дружбе с покойным в течение многих лет, я не могу не посвятить нескольких слов его памяти.

М. Голодников – сибиряк по происхождению и всю свою недолгую жизнь провёл в Сибири. Его родители, как мать, так и отец, служили и служат народными учителями на Алтае. Все свои ученические годы М. Голодников провёл в Томске, вдали от родителей, воспитываясь сначала в пансионе при томской гимназии, а затем в университете на юридическом факультете. Болезнь (туберкулёз) заставила его покинуть родину и отправиться в Швейцарию, куда он уехал около двух лет тому назад¹⁴.

Родители не имели возможности высылать на воспитание сына достаточных средств, и покойный принуждён был, даже будучи гимназистом, жить почти исключительно своим заработком, каковым первоначально были уроки, а потом газетная работа. Литературный талант у покойного проявился рано, если не ошибаюсь, тоже ещё в гимназические годы. Это был своеобразный талант. М. Голодников был прирождённым юмористом. Склонность к шутке, остроумие, изобретательность – коренные черты его характера. Чрезвычайно легко владея рифмой, он в любой момент мог создать остроумный экспромт на любую тему. В газету, впрочем, его стихи попадали редко. Но он использовал эту свою способность в другом направлении: всем ещё, вероятно, памятны его оригинальные выступления в маскарадах. Не проходило ни одного почти маскарада, где бы М. Голодников не получил бы приза. Придумываемые им костюмы обычно отличались незатейливостью, а подчас и убожеством выполнения, но по идее, всегда остроумной и злободневной, невольно останавливали на себе внимание. Весь успех и сводился, в сущности, к тем стихам, которые М. Голодников декламировал перед жюри в момент присуждения приза.

Печатаемая первоначально изредка стихи и небольшие статейки в местных газетах, покойный в последние годы своего пребывания в Томске постепенно сделался постоянным сотрудником «Сиб. Ж.», помещая по несколько раз в неделю свои «маленькие фельетоны» под псевдонимами «Эмге», «Бой-баба», «В. и К.» и другими.

¹³ Кононов В.Д. – адвокат; в 1909 первый председатель томского литературно-музыкально-драматического общества.

¹⁴ В 1913 последний фельетон Голодникова в «Сибирской жизни» опубликован 31 января, – очевидно, около этого времени он уехал в Швейцарию, но возвращался, поскольку с 12 января по 4 марта 1914 его работы вновь появляются в печати.

В манере писать он подражал несколько В. Дорошевичу¹⁵. Но талант, несомненный крупный талант юмориста выростал и креп в нём, можно сказать, не по дням, а по часам. Последние его фельетоны на злободневные темы по силе, остроумию и лёгкости языка не уступали самому королю фельетонистов.

В периоды увлечения газетной работой покойный всегда мечтал создать что-либо крупное – рассказ¹⁶, повесть, роман; у него намечено было несколько тем, но усидчивая работа была не в его характере. Увлечение проходило, и планы оставались планами, а на смену приходило новое увлечение – театром, авиацией или чем-нибудь иным. М. Голодников был далеко не чужд драматического искусства. Выступая постоянно на любительских подмостках, он, кроме того, в течение двух сезонов прослужил в труппе г. Суходрёва¹⁷, подвизавшегося в Томске и Красноярске, в качестве профессионального артиста и выступал хотя и в небольших ролях, но с заметным успехом.

Любовь к искусству, общительность, милый, незлобный, жизнерадостный характер, способность развеселить собеседников остроумной шуткой в любую минуту, живая отзывчивость как к чужой радости, так и к чужому горю создали покойному обширнейший круг знакомых и друзей во всех слоях общества; в любой организации, в любой компании он всегда являлся самым желанным гостем.

Покойный слишком любил жизнь; он не хотел отказаться ни от одной из тех немногих и, в сущности, очень скромных радостей, которыми мог воспользоваться. Не отличаясь с детства крепким здоровьем, он совершенно не щадил себя, и вот страшная болезнь, медленно подкрадываясь, с осени <поза>прошлого года вдруг простёрла над ним свои смертоносные крылья. Врачи сказали, что единственное спасение для него – климатическое лечение.

Нельзя не отметить того искреннего и глубокого сочувствия, с каким встречено было всеми друзьями и знакомыми постигшее покойного несчастье. Он отправился за границу, жил и лечился там почти всё время исключительно на средства, собранные по подписке среди его знакомых, и, главным образом, на средства членов редакции и сотрудников «С.Ж.», которые не могли не оценить в М. Голодникове и симпатичнейшего товарища и незаурядную литературную силу.

Ничто не помогло. Смерть подкосила молодое растение, обещавшее принести роскошные и обильные плоды.

Прощай, милый, дорогой друг!..

Сибирская жизнь. 30 ноября 1914

¹⁵ Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922) – писатель.

¹⁶ Известен рассказ Голодникова «Венеция» (Сибирская жизнь. 16 сентября 1912).

¹⁷ Суходрёв Иосиф Моисеевич (1880 – нач. 1950-х) – театральный режиссёр.